

Глава 1. Прибыли приглашения.

При ходьбе герцог покачивался. Это были колеблющиеся, задумчивые движения, на которые любому, кроме моряка, было бы неприятно смотреть. Такая походка была принята для того, чтобы приспособиться к форме его тела. Этот человек был мячом. Он был хорошо одет. У него была энергия, здоровье и (бог свидетель) аппетит, но вся лучшая одежда в мире не могла сделать его менее круглым, а если бы и попыталась, то он выглядел бы как задрапированное рождественское украшение. А этого он не потерпит. В конце концов, у него была гордость.

Мир должен был принять его таким, какой он есть: громким, непреклонным, быстрым на гнев и шарообразным. Хорошо, что он был герцогом - если бы это было не так, его магический вид стал бы фарсом. А так его высмеивали лишь за пределами нескольких городов и, зачастую, только как безымянного герцога, появляющегося в пантомиме.

В то утро он на цыпочках спустился по лестнице и вошел в свою столовую. Его дочь, Элеонора, стояла за дверью. Она сделала реверанс, когда он вошел.

«Доброе утро, отец»

Он кивнул ей.

Она всегда обращалась к нему «отец», даже когда была маленькой девочкой. Она слышала, как другие дети обращались к своему предшественнику-мужчине «папа» или «папочка», но к отцу это никогда не относилось. Она считала, что это его собственный титул, как «ваша светлость».

Элеонора была комической противоположностью своего отца. Она была худенькой и, как правило, тихой и покладистой. Она любила проводить дни, свернувшись калачиком на диване, за чтением книги, но часто выходила на длительные прогулки, потому что отец считал, что ей необходима активность в жизни. В ней также было странное смирение. Одни говорили, что она родилась с ним, другие - что это единственный разумный выход, когда живешь с таким человеком, как герцог Обри-Серрс.

Поскольку многим людям небезразлично, как выглядит молодая женщина - особенно если она богата и не замужем, - можно сказать, что Элеонора была красива. Не сногсшибательная, но определенно симпатичная. У нее было среднее лицо со средними чертами, но глаза были особенными. Они были яркими, широкими, зелеными и выразительными. Учитывая, как редко она их поднимала, увидеть их было все равно что поймать взгляд рыжего меха, когда лиса, которую вы едва заметили, умчалась прочь. Вы чувствовали себя ошеломленным и счастливым от того, что увидели их.

Герцог подошел к завтраку, разложенному на сервировочном столике. Элеонора взяла свою порцию, только когда он закончил. Ей достался ломоть тоста, два ломтика помидора и чашка чая. Обри-Серрс никогда не беспокоил дочь по поводу ее привычек в еде. Так питалась его покойная жена. Он полагал, что так питаются все женщины.

Утро у них проходило по такому распорядку, и собрание привычных часов придавало процессу приятную атмосферу. Ближе к концу трапезы на локте герцога появлялись утренние письма. Невидимая рука, доставляющая их, была такой же легкой и привычной, как и все остальное, но письма всегда имели тяжелый вес. Они означали конец рутины и начало настоящего дня.

Герцог доел последний кусок еды и вскрыл первое письмо своим столовым прибором. Нож для писем неизбежно прилагался к ним, но им также неизбежно пренебрегали.

Элеонора не обращала внимания. Лишь немногие письма были адресованы ей, а когда и были, отец всегда вскрывал их и разбирался с ними. Она смотрела на парадное окно, расслабляясь в монотонности утра, когда услышала, как отец поперхнулся.

Быстрый взгляд подтвердил ее худшие опасения: он подавился своим негодованием, а не едой.

«Элеонора!»

«Да, отец?» – ее приглушенный голос показал, насколько ненужным был его крик.

«Что ты знаешь об этом?»

Он протянул ей кусок плотного пергамента. Он зазвенел в его руках.

Она взяла бумагу и открыла ее.

Его светлость, Эрравольд Дастен Обри-Серрс, герцог Иллусии

просит оказать честь вашим присутствием

на бракосочетании его дочери

леди Элеоноры Луизы

У Элеоноры вырвалось:

«Отец, что это такое?»

«Ты хочешь сказать, что не знаешь?»

Он спросил это для проформы. Ее откровенного замешательства было достаточно, чтобы убедить его в ее невежестве.

«Я ничего не знаю!»

«Читай»

Элеонора была так озадачена, что читала впопыхах, пытаясь найти хоть какой-то смысл на этой странице.

и

Райса Пенна

в соборе Святого Джеррума

в субботу, пятнадцатого июля тысяча восемьсот девяносто девятого года,

в два часа дня

после чего состоится прием в Чаффинч-холле.

В тот момент, когда она поняла, что больше нет слов, она также осознала, что пропустила два самых важных - имя и фамилию предполагаемого жениха.

Она прочитала их еще раз. Потом еще раз.

Райс Пенн.

Она бросила бумагу обратно на стол. Ее глаза закатились, а щеки расплылись в легкой улыбке.

«Это шутка, отец»

«Это не шутка!»

«А по-моему, очень смешно. Вы видели человека, за которого я должна выйти замуж?»

Герцог выхватил бумагу обратно. Его красное лицо потемнело до почти пурпурного цвета. Он вскочил на ноги и опрокинул стул, который не успел выдвинуть. Он с грохотом рухнул на пол. Герцог вышел из комнаты.

Элеонора подняла стул и поставила его на место. Затем она вышла вслед за отцом в холл. В тапочках она была бесшумна, как кошка.

Герцог был в библиотеке, разговаривал по телефону. Он разговаривал с полицией.

Не обращая внимания на платье, она присела на пол возле двери, чтобы прислушаться к разговору.

Райс Пенн. Мастер краж.

Элеонора следила за его подвигами с тех пор, как он впервые стал активным пять лет назад. Она не относилась к числу женщин, восхищающихся его смелостью или щедростью (да и чем тут восхищаться? Он щедро распоряжался чужими деньгами!), но ей нравился его юмор - впрочем, она была достаточно умна, чтобы понять, что ее забавное безразличие существовало лишь потому, что все ее знания о нем были черпаемы из страниц ежедневных новостей.

Обри-Серры никогда не получали визитов от мистера Пенна. Герцог не одобрял вора, но делал это с минимальной враждебностью, как не одобряют чужеземное зло, которое вряд ли прибудет на их берега. В глубине души герцог всегда полагал, что Пенн никогда не будет настолько смел, чтобы попытаться обокрасть его.

Элеонора улыбнулась и покачала головой, слушая, как отец яростно кричит в трубку.

Всемирно известный Пенн хотел украсть ее руку! Это было просто смешно.

Возможно, ей было бы приятно слышать возмущение отца, но она была достаточно близко, чтобы разобрать слова, а не только его тон, и знала, что его чувства были прикованы к его состоянию и доброму имени.

Элеонора встала и отползла подальше, чтобы отец ее не услышал.

Она не осуждала герцога за его заботу. Ведь ей ничего не угрожало. У священников, действующих от имени собора Святого Джеррума, наверняка возникнет несколько вопросов, если ее, связанную и с кляпом во рту, потащат к алтарю. Как знал ее отец, ее нельзя было

заставить выйти замуж против ее воли.

Но...

Если это был заговор Пенна, то опасность для имущества ее отца была вполне реальной.

Она вернулась к обеденному столу. Оглянувшись через плечо, она достала два письма, адресованные ей, и открыла их. Оба письма были от ее друзей - светских знакомых, правда, но людей, с которыми ей было приятно общаться и которые, казалось, были рады ее обществу. В обоих было личное письмо, а также копия приглашения на свадьбу.

Судя по нахальному характеру писем, никто из них не относился к этому серьезно.

«Еще приглашения? – раздался голос позади нее. – Конечно»

Герцог вернулся. Казалось, он сгорал от желания накричать на полицию. Он даже не стал приставать к ней с требованиями не трогать письма.

«Интересно, будет ли кому-нибудь из них, - он щелкнул рукой по груде конвертов, - еще о чем поговорить? Этот ублюдок. Этот ублюдок! Как он посмел?»

«О, отец, пожалуйста, не расстраивайтесь так сильно. Никто ничего не записывает в свои календари. Они все думают, что это шутка!»

«Да. Он превратил наше имя в шутку. Я не смогу пройти по улице без того, чтобы все не хихикали за моей спиной»

«Разве мы не можем просто не обращать на это внимания?»

«Ничего бы этого не случилось, если бы ты только вышла замуж! У меня было три жениха, выстроившихся в очередь! Хорошие мужчины из хороших семей! А ты им всем отказала»

Элеонора почувствовала, как в висках запульсировала головная боль. «Год предложений» (так она мысленно окрестила этот год) был худшим в ее жизни. Только ее спокойная грация помогла ей выстоять. Когда отец бушевал, она накладывала побольше косметики, чтобы скрыть бледность лица, а когда отец требовал, чтобы она говорила, она лишь повторяла свой отказ.

Она надеялась, что с этими разговорами покончено. Ей нужно было, чтобы они закончились.

Элеонора хотела сказать что-нибудь, чтобы разрядить обстановку, но что она могла сказать? Ее отец был прав.

«А теперь вот что! – отец бросился в свое кресло. Оно застонало в знак протеста. – Что скажут люди!»

«Они скажут, что Пенн перегнул палку»

Герцог усмехнулся, поднял личное письмо, которое он открыл вместе с первым ужасным приглашением, и бросил его ей.

Подняв страницу, Элеонора почувствовала, как у нее свело желудок.

«...Я с большой радостью и весельем ожидаю предстоящего бракосочетания. Если позволите спросить, как вы думаете, ваш будущий зять сможет вернуть коллекцию рубинов моей жены? У него скоро будет много денег...»

Голос герцога был глубоким и холодным.

«Вот значит, что они говорят? Что Пенн перегнул палку?»

Подавленная, почти теряя сознание от усталости, Элеонора пробормотала:

«Отец, что вы хотите, чтобы я сделала?»

Слишком поздно Элеонора поняла свою ошибку.

Герцог встал и подошел к ней. Он возвышался над ней, как башня.

«Выходи замуж за одного из них»

Она сжала руки в кулаки, чтобы он не видел, как они дрожат.

«Я имела в виду нынешнюю проблему»

«Замуж! До пятнадцатого июля»

«Это не имеет никакого отношения к делу. Это розыгрыш воришки и не имеет никакого отношения к моему отказу выходить замуж...»

«Думаешь, Пенн стал бы это делать, если бы ты не была старой девой?!»

«Дева» ранила. Элеонора знала, что с годами эффект от яда будет только усиливаться, но пока об уколе можно было забыть, когда вспышка негодования раскалила ее внутренности докрасна.

Это твоя вина, а ты обвиняешь меня.

Потом она одумалась. Это не только его вина. Мужчины - они были трусами. Трое ухажеров, которые пытались за ней ухаживать, были созваны, получили разрешение и были поощрены. Все остальные мужчины смотрели на это со стороны, как овцы, спокойно наблюдающие за тем, как волк изображает овчарку.

Пенн, по крайней мере, что-то предпринял. Но, опять же, о его намерениях они узнали только из приглашений, разосланных знакомым. У него даже не хватило смелости отправить им уведомление лично.

Такой же малодушный, как и все остальные.

Эта случайная мысль заставила щеки Элеоноры дернуться от неожиданной улыбки.

К счастью, герцог смотрел в окно и не заметил этого.

«Надо пропустить это мимо ушей, – сказала она. – Они все просмеются, и тогда все закончится»

«Я никогда не пропускал оскорблений!»

«Разве это оскорбление?»

«Неужели я могу допустить, чтобы мое имя соединилось с таким... обычным... как он!»

Элеонора вздохнула шепотом, который она позволила себе выпустить только через нос.

Герцог продолжил:

«Серрс никогда не стерпит оскорбления! Я отвечу ему»

«Как? Мы его не знаем. Мы не можем послать письмо человеку, которого никогда не видели»

«Я могу послать его в газету! Я покажу этой коварной обезьяне, кого он пытался высмеять, и посмотрим, покажется ли ему это смешным! – герцог встал. – В какую газету он всегда пишет?»

«В «Ежедневник»»

«Да. Этого должно хватить».

Не успел герцог куда-то уйти, как в дверях появился Тейлор, их вечный дворецкий.

«Ваша светлость, к вам пришли три джентльмена»

«Что? Кто?»

«Они утверждают, что представляют разные газеты. Они хотели бы поговорить с вами и леди Элеонорой»

Элеонора почти видела, как в голове ее отца происходят махинации. Позвонить в одну газету, возможно, с отдельным сообщением, помещенным в объявлениях, - это одно. Но три разные газеты? Что сделал Пенн - дал объявление? Или кто-то из их друзей решил, что шутка слишком хороша, чтобы держать ее в себе?

Она взглянула на лицо отца.

Боже, помоги ему, если герцог когда-нибудь узнает, кто он такой.

«Я собираюсь на утреннюю прогулку», - пробормотала она в наступившей тишине. Она поспешила выйти из комнаты, пока отец не взорвался.

<http://tl.rulate.ru/book/104696/3663911>